

Пед<агогические> письма (Бар. Ф. А. К.)

Я обещал передать Вам на бумаге все, что мне виделось и думалось более двадцати пяти лет о предмете, который и теоретически, и практически занимает меня. Принимаясь за перо, вижу, что это изложение для меня гораздо труднее, нежели как казалось.

Думая про себя, — мы города берем; множество вопросов проскользают в нашем мышлении в качестве легких и маловажных. Лишь с пером в руке мы замечаем, сколько пробелов еще остается в нашей массе наблюдений, наведений и других продуктов нашего мышления.

Мы похожи на того героя северных саг, которому предлагают поднять небольшой камень. Кажется, ничего нет легче, но — этот камень тяжелеет с каждой минутой поднятия; и не мудрено — этот камень — вся земля. Предлагают герою выпить ковш воды, но — этот ковш делается бесконечным; он — все море.

Таковы все метафизические задачи, и особенно той части метафизики, которая называется педагогией.

Простолюдин, обманутый физической слабостью и мнимой неразумностью ребенка, считает за ничто приняться учить его. Не лучше этого простолюдина и многие, весьма многие, педагоги, коих не называю. Они смотрят на свое дело с высоты некоторых заветных метафизико-нравственных сентенций и на них основывают прекраснейшие теории воспитания, в которых лишь один недостаток — если их привести к одному знаменателю, то выговорится следующая пустопорожняя фраза: «Делай хорошо, а не худо, и будет хорошо».

Этими господами забываются лишь два незначительных словца: что и как.

К счастью, в педагогии, как в медицине, если не существует совершенно удовлетворительной теории, то существуют весьма удовлетворительные практики. Это странное явление объясняется, по крайней мере, в отношении к педагогии, тем, что умного, добросовестного Воспитателя — учит сам ученик. Воспитатель забывает о своих теориях, побежденный находящимся пред ним фактом.

К сожалению, таких фактов еще собрано мало. Их берегут про себя. Но вышла ли бы физика и химия из схоластических пеленок, если бы эти науки не окрепли в живительной атмосфере фактов неподдельных, неподкупных?

Факты же педагогические несравненно сложнее явлений чисто физических или химических.

В вопросы педагогические входят все науки: и психология во всех ее видах и степенях; и история со всеми ее недоумениями; и физиология со всеми ее еще не разгаданными задачами, и теория общественного устройства со всеми ее недомолвками. Не говорю о науках чисто технических, где также есть пробелы своего рода. А между тем, несмотря на всю шаткость этих подпорок, педагогия еще не вышла из того периода чванства, чрез который прошли все науки.

Было время, когда метафизика бралась разрешать все вопросы без исключения; медицина верила в универсальное лекарство; астрономия — в символическое значение звезд; химия — в квинтэссенцию. Так <и> педагогия — даже в новейшее время <она> берется за обязанность: почти сотворить человека.

Это совсем не шутка; вы найдете эту претензию в большей части иезуитских книг о воспитании, где говорится о необходимости и возможности *внушать* то и другое детям, образовать из них по рецепту: сочинителя, музыканта, живописца и прочего тому подобному добродетельного гражданина; где человек сравнивается с

нежным деревом, которое можно обрезать, привязывать и прочее тому подобное. Все эти *pra desideria*¹ были бы прекрасны, как, например, желание, чтобы все люди походило на Аполлона Бельведерского, но, к сожалению, <они> также не исполнимы.

Теоретики этого рода или должны изумляться при виде, например, странного явления, известного под названием: «ученый дурак»; или при виде человека, получившего так называемое прекраснейшее воспитание и сделавшегося отъявленным негодяем; человека, которому *внушены* были с малолетства чистейшие правила нравственности и из которого образовался человек самый коварный и лукавый, и годный только на зло; или они должны изумляться, каким образом Вольтер вышел из езуитской школы, Ломоносов — из рыбацкой лодки, Уатс — из плена семейного круга, где его считали ни на что не годным.

Этого рода факты, которых скрыть нельзя, да и не следует, и которых педагогика по сю пору объяснить не может, были приняты с восторгом ее врагами. Отсюда — толки о вреде просвещения вообще, об опасности для общественного блага от распространения школ; о беде от физических занятий, как утверждал знаменитый граф Иосиф де Местр; о беде от университетов, как утверждал господин Стурдза. Наконец, даже толки о вреде грамотности, чего печальные примеры мы видели недавно и у нас, и еще со стороны людей, от которых всего меньше было <можно> ожидать подобной — извините — дребедени.

Дело, кажется, в том, что не пора ли педагогии сделаться поскромнее, не возлагать на чужие знамена того, чего она сама снести не может; и с схоластической высоты спуститься на ту дорогу, на которой математика вообще, астрономия, физика и химия — словом, вся семья положительных знаний, эта зиждательница градусов и весей, достигла результатов, действительно изменивших весь мир человеческий. Словом, идти путем наблюдений, навстречу фактам, не презирая и не отрицая <ни> одного, но подвергая каждый исследованию как порознь, так и в совокупности; не спешить составлением рецептов и — во имя истины — не пугаться ни одного из них, хотя бы он ниспровергал самые так называемые драгоценные наши убеждения, желания, стремления. И главное — не увлекаться никаким празднословием или фантазмагориями, которыми так тешится лень человека.

Теории Птолемеевой тверди, Сталевского флогистона, Бровнова возбуждения были так увлекательно ясны, так сподручны, так утешительны; но они пали одна за другою пред необоримую силою науки, завещав ей лишь несколько положительных наблюдений, уцелевших после упорной битвы.

Так и педагогика должна, наконец, подобно своим старшим сестрам, иметь довольно бодрости, чтобы иногда выговорить великое, спасительное слово: «еще не знаю»...

Примечания

Впервые напечатано: Река времен. Книга истории и культуры. М., 1995. Кн. III. Возможный адресат — барон Федор Андреевич Корф (1808—1839).

Уатс — Уатт Джеймс (1736—1819) — английский инженер, изобретатель паровой машины.

Местр Жозеф Мари (1753—1821) — французский философ, посол сардинского короля в России. Блестящий публицист, сторонник иезуитов, в молодости масон, Местр оказал большое влияние на духовную жизнь Александровской эпохи просвещенного мистицизма. Одоевский именовал образованность посла поверхностной, а оригинальные идеи его — парадоксами и софизмами, порой безнравственными. Наряду с Мальтусом и Гоббсом, он считал Местра пророком мирового пессимизма.

Стурдза Александр Скарлатович (1791—1854) — дипломат, консервативный публицист.

...со стороны людей... — имеются в виду О. И. Сенковский и другие журналисты.

Сталь Георг (1660—1734) — немецкий врач и химик, автор химической теории, объясняющей реакцию окисления наличием определенной субстанции — флогистона и впоследствии признанной неверной.

Брун Джон (1735—1788) — английский врач, считавший, что жизнь — следствие возбудимости организма.

¹ благие намерения (*лат.*).